Объ отцѣ Іоаннѣ Сергіевѣ Кронштадтскомъ.

О личности недавно умершаго о. Іоанна Сергіева Кронштадтскаго, кажется, ничего нельзя сказать такого, чего-бы не знали всѣ,—до того это рѣдкая въ наше время, поражающая своимъ религіозно-нравственнымъ вліяніемъ, сдѣлавшаяся еще при жизни историческою, личность. И все-таки хотѣлось-бы знать, въ чемъ-же сила его вліянія?

Объ отцѣ Іоаннѣ, въ первый разъ, я усышалъ лѣтъ двадцать тому назадъ и съ тѣхъ поръ постоянно интересовала меня эта личность, слухи объ исцѣленіи имъ больныхъ, о врачеваніи болѣзней однимъ словомъ, однимъ прикосновеніемъ.

Мнѣ очень хотѣлось побывать у о. Іоанна, но, пріѣхавши въ Кронштадтъ, я не засталъ его. Послѣ довольно продолжительной отлучки, о. Іоаннъ еще не успѣлъ прибыть въ Кронштадтъ, хотя и находился уже въ Петербургѣ. Съ волненіемъ до поздней ночи, съ минуты на минуту, ожидалъ столпившійся народъ у церковнаго дома, гдѣ жилъ отецъ Іоаннъ, его пріѣзда. Прибылъ онъ очень поздно. Быстро отворялись и затворялись ворота, не впуская за нимъ никого въ его помѣщеніе.

Подготовившись къ служенію литургіи, я нѣсколько запоздалъ и пришолъ, на другой день, въ Соборную церковь уже во время службы. Въ храмѣ тѣснилось очень много народа. Меня, какъ священника, по принятому тамъ обычаю, впустили въ алтарь, гдѣ стояло уже болѣе пятидесяти человѣкъ, между ними нѣсколько священниковъ. Мой взоръ искалъ отца Іоанна. Мнѣ указали, что о. Іоаннъ—это тотъ священникъ, который сосредоточенно стоялъ, отдѣльно отъ другихъ, у аналогія.

Неособенно высокаго роста, сухощавый на видъ, съ лицомъ, въ которомъ, мнѣ показалось, есть оттѣнки жителей нашего сѣвера, съ жидкою растительностію на головѣ, еще несовсѣмъ старый—отецъ Іоаннъ, на первый взглядъ, не произвелъ на меня ровно никакого впечатлѣнія. Во время канона онъ вышелъ на солею и читалъ утренній канонъ рѣзкимъ, громкимъ, раздражительнымъ, уже старческимъ теноромъ, съ выкриками: „преподобный отче, моли Бога о насъ! Пресвятая Богородице, спаси насъ!“ какъ къ живому лицу (при чемъ лицо его нервно передергивалось, онъ-то подводилъ руку къ щекѣ, то отдергивалъ) и вмѣстѣ съ требовательностію, съ настойчивостію, съ такимъ выраженіемъ въ произношеніи, что въ немъ сказывалось какое-то особое дерзновеніе, глубокая вѣра, на какую только способенъ человѣкъ подниматься (люди простые—только во время экстаза), и что сразу заставляло не замѣчать внѣшней его рѣзкости, а вслушиваться въ самое чтеніе и подчиняться его молитвѣ. Общая народная исповѣдь (таинство покаянія) была кратка. Въ продолженіе трехъ-пяти минутъ слышался народный крикъ въ церкви—голоса каявшихся. Пріобщалъ самъ отецъ Іоаннъ, переходя изъ одного алтаря въ другой, когда народъ особенно сильно тѣснился; а также пріобщали и другіе священники. Во время литургіи о. Іоаннъ имѣлъ сосредоточенный видъ, часто, во время возгласовъ, обращался лицомъ къ народу, служебникомъ, кажется, совсѣмъ не пользовался, временами бралъ въ руки напрестольный крестъ и цѣловалъ его, лицо его часто принимало такой оттѣнокъ, что въ немъ какъ-бы наружу просвѣчивала восторженность внутренняго чувства, взоръ его былъ быстрый, трудно уловимый,—онъ у него былъ углубленъ и только временами прон-

залъ, какъ молніей. Поученіе—изъясненіе дневного апостола, было безхитростное, хотя въ немъ виденъ былъ проповѣдническій навыкъ и глубокое знаніе сердца человѣческаго. Въ промежуткахъ между службами, но особенно по окончаніи литургіи, нѣкоторыя лица настойчиво просили у него—одинъ денегъ, другой вмѣстѣ и личной рекомендаціи къ кому-то и т. д. Отецъ Іоаннъ всѣмъ давалъ по три, по пяти рублей, одному далъ семьдесятъ или сто рублей, для вступленія въ бракъ. Поразили меня его легкость, подвижность (не по возрасту) и спокойствіе, безъ раздраженія, при очень настойчивыхъ требованіяхъ разныхъ лицъ; отъ этихъ лицъ онъ, въ концѣ концовъ, старался уйти, но они преслѣдовали его по алтарю. Интересовался отецъ Іоаннъ семейною жизнію какого-то лица и, когда услышалъ, что болѣвшая женщина выздоровѣла, „по вашимъ молитвамъ", какъ отвѣтилъ этотъ человѣкъ,—то отецъ Іоаннъ сказалъ: „ну, и слава Богу"! Подходили къ нему, тамъ-же, въ алтарѣ, офицеры, отправлявшіеся на войну, и просили у него молитвъ и благословенія. Нѣкоторымъ лицамъ, изъ высшей Петербургской аристократіи, просилъ самъ онъ передать поклоны. По тону его рѣчи, я вывелъ заключеніе, что, при общей доступности и близости ко всѣмъ, по своимъ симпатіямъ, по своему человѣческому сродству, онъ тяготѣлъ душою къ лицамъ послѣдней категоріи (что, впрочемъ, легко объяснить и общей культурностію и самого отца Іоанна и лицами изъ аристократическихъ семей, а также—очень возможно, и нравственнымъ уровнемъ тѣхъ, о комъ онъ высказывался съ особой симпатіей въ голосѣ). Мнѣ пришлось, уже послѣ того, когда онъ, перемѣнивши всѣ свои одежды въ ризницѣ на другія (ряса и подрясникъ на немъ были шелковые), по окончаніи всѣхъ службъ въ церкви, входилъ опять въ алтарь,—обратиться къ нему съ своею просьбою. Просьбу мою онъ удовлетворилъ. Затѣмъ, отецъ Іоаннъ отправился изъ церкви въ дома, находившіеся подъ его покровительствомъ, гдѣ, между прочимъ, посѣщалъ желавшихъ обратиться къ нему за помощію или совѣтомъ тѣхъ или другихъ лицъ. При входѣ въ номерныя помѣщенія, онъ освящалъ своимъ наперснымъ крестомъ воду, псаломщикъ его пѣлъ тропарь, о. Іоаннъ произносилъ краткую ектенію. Тутъ

же давалъ совѣты и вообще удовлетворялъ различныя нужды тѣхъ, кто къ нему обращался.

Вечеромъ, въ тотъ-же день, о. Іоаннъ выѣхалъ опять въ Петербургъ. Говорили тамъ мнѣ, въ Кронштадтѣ, что дѣятельность его вообще—безъ отдыха, безъ перерыва, почти неустанная. И этому, принимая во вниманіе его возрастъ, глядя на его видъ, можно было только удивляться.

Вліяніе отца Іоанна, какимъ онъ пользовался при жизни на народныя массы, не было чѣмъ-то искусственнымъ, внѣшнимъ и не всякому доступно было сразу понять и объяснить себѣ причину этого вліянія. Для нѣкоторыхъ лицъ, кто хотѣлъ болѣе анализировать, нежели искать отца Іоанна сердечною вѣрою, отецъ Іоаннъ могъ совсѣмъ не открыться и остаться непонятымъ. Но кто обращался къ нему съ дѣйствительною нуждою, искалъ отъ него помощи и надѣялся всѣмъ сердцемъ найти просимое—для тѣхъ отецъ Іоаннъ былъ понятенъ, близокъ, дорогъ. Всѣмъ своимъ существомъ, вслѣдствіе возвышенности, духовности своей жизни, отецъ Іоаннъ чувствовалъ душу другого человѣка. И подобно художнику, который однимъ взмахомъ своей кисти давалъ жизнь картинѣ,—и отецъ Іоаннъ, читая душу другого, зная немощи его и болѣзни, говорилъ понятнымъ языкомъ—именно о томъ, что нужно было для душевной пользы другому, обращающемуся къ нему за совѣтомъ и помощію, человѣку. Такъ врачевалъ онъ грѣховныя раны, душевныя немощи, а своею молитвою, своимъ прикосновеніемъ исцѣлялъ и тѣлесныя болѣзни (но непремѣнно только по вѣрѣ врачующихся во всесильную помощь Божію).

Вліяніе его, дѣйствіе его на обращающихся къ нему лицъ не было, такъ сказать, внѣшняго, физическаго свойства, такъ какъ нельзя его объяснить ни тѣмъ, что у отца Іоанна были особыя, природныя силы (магнетизмъ, чѣмъ только, по мнѣнію нѣкоторыхъ, и объясняются его чудесныя дѣйствія, его способность врачевать болѣзни), ни однимъ только сильнымъ нервнымъ возбужденіемъ (черезъ что будто-бы онъ и вліялъ такъ на другихъ), такъ какъ всякія нервы давно-бы притупились и вліяніе отца Іоанна, естественно, исчезло-бы въ народѣ.

И его вліяніе, какъ человѣка облагодатствованнаго

свыше, было особое. Оно исходило у него изъ глубины, изъ богатства его духа, изъ того, что онъ былъ *свѣтяй и горяй*, и свѣтъ небесный, свѣтъ благодати Божіей, по силѣ его дерзновенія предъ Господомъ, видимо осіявалъ на тѣхъ, за кого онъ молился Богу.

И люди вѣрующіе, обращавшіеся къ отцу Іоанну, самымъ ходомъ событій, какъ онѣ складывались въ ихней жизни, доходили невольно до признанія, что онъ предъуказывалъ ихнюю жизнь, провидѣлъ обстоятельства, что могло случиться и дѣйствительно случалось съ тѣмъ или другимъ лицомъ, Такимъ образомъ, отецъ Іоаннъ былъ, въ высшей степени, учителемъ жизни. Онъ обращалъ взоры человѣка къ существу жизни и самъ воплощалъ въ себѣ, въ своей личности, это жизнепониманіе.

Въ его глубокой, непобѣдимой вѣрѣ, въ томъ, что онъ привлекъ къ себѣ милость Божію и сдѣлался видимымъ орудіемъ благости Божіей, и люди, старавшіеся слиться съ нимъ чистою, возвышенною святою вѣрою, услаждались его духовнымъ образомъ и здѣсь, въ его свѣтѣ, и сами очищались и сами старались вглядываться больше, вдумываться въ существо жизни,—въ этомъ, главнымъ образомъ, и заключается его притягательная сила, его вліяніе.

Священникъ В. Блаженскій.